

<Письмо уездного дворянина>

Русская журналистика XVIII-XIX веков. Тексты

Под редакцией Б. И. Есина

OCR Бычков М.Н.

Сыну моему Фалалею

Так-то ты считаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра? тому ли я тебя, проклятого, учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости отдал меня на посмеище целому городу? Я писал к тебе, окаянному, в наставление, а ты это письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку: пришло с ума сойти! Слыханное ли это дело, чтобы дети над отцами своими так ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтение к родителям, в силу указов, велю висеть кнутом; меня бог и государь тем пожаловали: я волен и над животом твоим; видно, что ты его позабыл. Кажется я тебе много растолковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьет, так и за это положено только церковное покаяние. Ой сынок, спохватись! не сыграй над собою шуточки: веть недалеко великой пост, попоститься мне немудрено; Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю, по просьбе твоей матери; а ежели бы не она, так уж бы я дал тебе знать себя. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись, ведь ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтение, так уж не жди никакой пощады; я не Сидоровне чета: у меня не один месяц проохаешь, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти ко мне в милость, так просись в отставку, да приезжай ко мне в деревню. Есть кому и без тебя служить; пускай кабы не было войны, так бы хоть и послужить можно было, это бы свое дело; а то ведь ты знаешь, что нынче время военное; неравно как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись; уберись ка в сторонку, так это здоровее будет. Поди в отставку, да приезжай домой. Ешь до сыта, спи сколько хочешь, а дела за тобой ни какого не будет. Чего тебе лучше этого? За честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли ничего будет есть. Пусть у тебя не будет Егорья, да будешь ты за то поздоровее всех Егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают, а которые постарее, так те чуть дышат: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова: так радостно ли отцам смотреть на детей изуродованных? и невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже и приискал было невесту. Девушка неубогая, грамоте и писать умеет, а пуще всего, великая экономка: у нее ни синей порош даром не пропадет, такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой: тебе, будет чем жить опричь невестина приданого; я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста двоюродная племянница нашему воеводе; ведь это, друг мой, не шуточка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей аемлю обрежем по самые гумна; то-то любо! и курицы некуда будет выпустить. Со всем будем ездить в город: то-то, Фалалеюшка, будет нам житье! никто не куркай. Да полно, что тебя учить, ты веть уже не малой ребенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходей, учу всегда доброму, как бы тебе жить было попригоднее. Да и дядя твой Ермолай, чуть токо не то же ли тебе советует; он хотел писать к тебе с тем же ездом. Мы с ним об этом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубом, где бывало ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучья, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник с молоду! бывало животишки надорвем со смеха. Молись, друг мой, богу! ума у тебя довольно: можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас не здорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она, друг мой, от твоей охоты. Палетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец; так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьего не взвидела: так и повалилась! А после как опомнилась, то пошла это дело разыскивать и так насадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да к тому же выпила студеной воды целой жбан, так и присунулась к ней огневица. Худа, друг мой, мать твоя, очень худа! Я того и жду, как сошлет бог по душу, знать что, Фалалеюшка, расставаться мне с женою, а тебе и с матерью и с Налеткою. Тебе, друг мой, все-таки легче моего: Налеткины щенята, слава богу! живы, авось-таки которой-нибудь удастся по матери; а мне уже